

- [Конрад Джозеф](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Конрад Джозеф

Тайный сообщник

Джозеф Конрад
Тайный сообщник
(рассказ)

Перевод с английского - А.В.Кривцовой

I

Направо протянулись ряды кольев для рыболовных сетей, напоминающие таинственную систему полузатонувших бамбуковых заграждений, вторгшуюся неведомо зачем в эти владения тропических рыб. Насколько охватывал глаз, нигде не видно было признаков человеческого жилья, и казалось -- эти нелепые заграждения были навсегда покинуты каким-нибудь бродячим племенем рыболовов, ушедшим в другие моря.

Налево -- из синей воды -- выростала группа бесплодных островков, похожих на развалины каменных стен, башен и блокгаузов, и самое море, раскинувшееся внизу, у моих ног, такое спокойное и неподвижное, казалось твердым. Даже полоса света от заходящего солнца горела ровно, без тех живых отсветов, какие бывают при едва заметной ряби. Повернув голову, чтобы бросить последний взгляд на буксирное судно, только что оставившее нас на якоре за мелководьем, я увидел прямую линию берега, слившегося с неподвижным морем -- в какой-то совершенной и тесной близости -- в одну ровную поверхность, наполовину коричневую, наполовину синюю, под необозримым куполом неба. Две маленькие группы деревьев, такие же маленькие, как островки на море, виднелись по обе стороны единственного прорыва в этом безупречном слиянии -- устья реки Мейнам, только что оставленной нами в первой, подготовительной стадии нашего путешествия на родину. А дальше, в глубине, более темная величественная масса, -- роща, окружающая великую Пакнамскую пагоду, - притягивала взор, уставший от бесплодного исследования однообразной дуги горизонта. Там и сям сверкание, словно исходящее от разбросанных кусков серебра, отмечало извилины великой реки, и на ближайшем повороте, как раз на границе мелководья, буксирное судно, уйдя за горизонт, скрылось из моих глаз; исчезли его корпус, труба и мачты, словно бесстрастная земля поглотила его без всякого трепета и без усилия. Я следил глазами за легким облаком дыма из его трубы, поднимавшимся над

равниной, то здесь, то там прочерченной извивами реки. Но облако дыма все отдалялось и бледнело, пока я не потерял его наконец за митрообразным холмом великой пагоды. И тогда я остался один со своим кораблем, стоявшим на якоре у берегов Сиамского залива.

На пороге долгого плавания судно неподвижно застыло в окружающей нас необъятной тишине; тени его мачт в лучах заходящего солнца тянулись далеко на восток. Я был один на палубе. На судне-- ни единого звука, а вокруг -- ни жизни, ни движения; на воде ни одного каноэ, в воздухе ни одной птицы, ни одного облака на небе. В течение этой мертвой паузы в преддверии долгого пути мы, я и мое судно, казалось, измеряли свою приспособленность к длительному и тяжелому испытанию, к труду, какой предназначено было выполнить нам обоим там, где ни один взгляд людской нас не достигал, только небо и море были свидетелями и судьями.

Должно быть, какие-то отсветы в воздухе мешали зрению, потому что только в последнюю минуту перед заходом солнца я разглядел за горным хребтом самого большого островка в группе островов нечто, нарушившее торжественность полного одиночества. Быстро нахлынула волна темноты, и тотчас, как всегда под тропиками, рой звезд высыпал над затененной землей, а я еще медлил на палубе, легко опустив руку на поручни моего корабля, как на плечо верного друга. Но под взглядами этих бесчисленных небесных светил сладость спокойного общения с судном была нарушена. И вот уже вторглись посторонние звуки-- голоса, шаги на носу; стюард пробежал по верхней палубе -- суетливый услужливый призрак; на юте настойчиво звенел колокольчик...

В освещенной кают-компании меня ждали два моих помощника. Мы сейчас же уселись за ужин. Передавая блюдо старшему помощнику, я сказал:

-- Известно ли вам, что за островами стоит на якоре судно? После захода солнца я видел над горным хребтом его мачты.

Он поднял свое простоватое лицо, густо зарешее бакенбардами, и издал обычное свое восклицание:

-- Помилуй бог, сэр! Что вы говорите!

Моего второго помощника, толстощекого молчаливого молодого человека, я считал не по летам серьезным, но тут, взглянув на него, я заметил, как дрогнули его губы. Я сейчас же опустил глаза. Мне не подобало поощрять зубоскальство на борту моего судна. Следует также отметить, что своих помощников я почти не знал. По некоторым причинам, касающимся лично меня, я был назначен принять командование всего две недели назад. И о своей команде я знал немного. Все эти люди работали

вместе около полутора лет, и я был единственным незнакомцем на борту корабля. Упоминаю об этом обстоятельстве, так как оно имеет отношение к дальнейшим событиям. Но острее всего я чувствовал свое незнакомство с судном и, откровенно говоря, не был уверен в самом себе. Я был самым молодым человеком на борту, за исключением второго помощника, и впервые занимал ответственный пост. Пригодность остальных я принимал как данное; им следовало только выполнять свои обязанности, но я не был уверен, удастся ли мне осуществить тот идеал своего "я", какой каждый втайне перед собой рисует.

Тем временем старший помощник, вращая своими круглыми глазами и шевеля грозными бакенбардами, развивал длинную теорию о стоящем на якоре судне. Основная его черта -- с величайшей серьезностью обсуждать мельчайшие события. Он отличался умом прилежным. По его словам, он "любил давать себе отчет" решительно во всем, что попадалось на его пути, вплоть до злополучного скорпиона, которого он нашел в своей каюте неделю назад. Причины и цель появления этого скорпиона, как он попал на борт и избрал именно его каюту, а не кладовую -- темный чулан, соблазнительный для всякого скорпиона, и каким образом ухитрился утонуть в чернильнице на его письменном столе,-- занимали его без конца. Значительно легче было дать себе отчет в судне, стоявшем за островами. Когда мы собрались встать из-за стола, он произнес свой приговор. Он не сомневался, что это судно недавно прибыло с родины. По всем вероятностям, оно глубоко сидело в воде и могло пересечь мелководье только во время сильного прилива. Поэтому оно завернуло в эту естественную гавань, чтобы выждать здесь несколько дней, а не стоять на открытом рейде.

-- Правильно,-- неожиданно подтвердил второй помощник слегка хриплым голосом. -- Оно сидит в воде на двадцать футов. Это "Сефора" из Ливерпуля, с грузом угля. Сто двадцать три дня из Кардифа.

Мы с удивлением посмотрели на него.

-- Мне сказал шкипер с буксирного судна, когда он поднимался на борт за вашими письмами, сэр,-- объяснил молодой человек. -- Он предполагает послезавтра ввести его в устье реки.

Ошеломив нас таким образом своей осведомленностью, он выскользнул из кают-компания. Старший помощник с грустью заметил, что "не может дать себе отчета в причудах этого малого". Ему хотелось бы знать, почему тот не сообщил нам об этом сразу.

Он было собрался уходить, но я его задержал. Последние два дня судовая команда была перегружена работой, а прошлую ночь люди почти не спали. Мучительно сознавая, что я -- чужой человек на судне --

совершаю поступок не совсем обычный, я отдал ему распоряжение отправить всех людей спать, не назначая вахты. Я заявил, что сам останусь на палубе до часа ночи и затем передам вахту второму помощнику.

-- В четыре он поставит на вахту кока и стюарда,-- закончил я,-- а потом вызовет вас. Конечно, при малейшем признаке ветра мы поднимем команду и немедленно снимемся с якоря.

Он скрыл свое удивление.

-- Хорошо, сэр!

Выйдя из кают-компания, он просунул голову в каюту второго помощника, чтобы сообщить ему о моем неслыханном капризе взять на себя пятичасовую вахту. Я слышал, как тот недоверчиво переспросил: "Что такое? Сам капитан?" Опять послышался тихий шепот, и дверь закрылась. Через минуту я вышел на палубу.

Мое положение чужого человека на борту, лишавшее меня сна, вызвало это необычайное распоряжение; за ночные часы я хотел ближе познакомиться с судном, о котором знал еще меньше, чем о его команде. Пока мы стояли у пристани, я даже не мог разглядеть его хорошенько; подобно всякому судну в порту, оно было завалено ненужными вещами, наводнено береговыми жителями, не имеющими к нему никакого отношения. Теперь оно было вымыто и готово к плаванию, и при свете звезд его главная палуба показалась мне очень красивой,-- очень приятной и очень просторной сравнительно с его размерами. Я спустился с юта и стал ходить по шкафуту, рисуя себе предстоящее плавание через Малайский архипелаг по Индийскому океану и далее к Атлантике. Все фазы этого путешествия были мне знакомы -- каждая мелочь, любая случайность, с какой сталкиваешься во время бури, -- все, за исключением новой для меня ответственности командования. Но я ободрился, рассудив, что судно похоже на другие суда, люди на нем -- как люди, а море вряд ли скрывает какой-нибудь сюрприз специально для моего поражения.

Придя к такому утешительному выводу, я вспомнил о сигаре и спустился за нею вниз. Там все было тихо. На корме все спали глубоким сном. Я снова вышел на ют. В эту теплую тихую ночь мне легко и приятно было в моей пижаме; босиком, с тлеющей сигарой в зубах я прошел на нос судна, и здесь меня встретило то же глубокое молчание. Только проходя мимо двери бака, я услышал спокойный, безмятежный вздох кого-то из спящих там. И неожиданно, сравнив великий покой моря с непокоем земли, я порадовался тому, что избрал эту жизнь, чуждую искушений, лишённую волнующих проблем, одухотворенную простой моральной красотой абсолютной честности и прямоты.

Фонарь на носу горел чистым неподвижным, словно символическим пламенем, доверчивым и ярким в таинственных тенях ночи. Проходя к корме по другой стороне судна, я заметил, что веревочный трап, спущенный, несомненно, для шкипера буксирного судна, приехавшего за нашими письмами, не был втянут наверх, как полагалось. Я был раздосадован, так как исполнительность в мелочах -- душа дисциплины. Потом я вспомнил, что сам освободил своих помощников от исполнения их обязанностей и этим распоряжением помешал назначить вахту и привести судно в порядок. Я задавал себе вопрос, благоразумно ли вмешиваться и нарушать установленную рутину, хотя бы с самыми благими намерениями. Один бог ведает, какой "отчет" дал себе волосатый помощник о моем поведении и что подумала вся команда об этом несоблюдении обычного порядка ее новым капитаном. Я был недоволен собой.

Совершенно машинально я протянул руку, чтобы убрать трап. Веревочный трап -- вещь легкая, и втащить его нетрудно; я сильно дернул его, и в результате он должен был бы взлететь на борт, но, однако, он не взлетел, а я от резкого движения откинулся назад. Что за чертовщина?.. Я был так ошеломлен неподвижностью этого трапа, что с минуту стоял как вкопанный, стараясь, подобно своему глуповатому помощнику, дать себе отчет в этом явлении. В конце концов я, конечно, свесил голову за поручни.

Корабль отбрасывал темный пояс тени на стеклянную мерцающую поверхность моря, но я сразу разглядел что-то бледное и продолговатое, плавающее у самого трапа. Прежде чем у меня успела мелькнуть какая-нибудь догадка, слабая вспышка фосфоресцирующего света, исходившего, казалось, из обнаженного тела человека, сверкнула в спящей воде, как молчаливая обманчивая игра зарниц в ночном небе. И, ахнув, я увидел пару длинных ног и широкую синеватую спину, погруженную по самую шею в зеленое мертвенное сияние. Одна рука, высунутая из воды, цеплялась за нижнюю перекладину трапа. Человек был здесь, так сказать -- полностью, не хватало только головы. Безголовый труп! Сигара выпала из моего разинутого рта, тихий всплеск и короткое шипение были ясно слышны в абсолютной тишине. И тут-то он поднял лицо -- тусклый бледный овал в тени, отбрасываемый кораблем. Но даже и теперь я едва мог разглядеть контуры его черноволосой головы. Однако этого было достаточно, чтобы рассеялся леденящий страх, сдавивший мне сердце. И момент для праздных восклицаний миновал. Я только перегнулся возможно дальше через поручни, чтобы приблизиться к этому таинственному человеку за бортом.

Он висел, держась за трап, как отдыхающий пловец, и при каждом

движении морские молнии загорались вокруг его тела. В воде он казался призрачной серебристой рыбой. И он молчал, как рыба. Он не делал попытки выбраться из воды. Было непостижимо, почему он не старается подняться на борт, и странно волновало подозрение, что, быть может, он этого и не хочет. И первые мои слова были вызваны именно этой волнующей неизвестностью.

-- В чем дело? -- спросил я своим обычным тоном, обращаясь к лицу, повернутому ко мне снизу.

-- Судорога,-- ответил он тихо и сейчас же прибавил с легким беспокойством: -- Послушайте, не нужно никого звать.

-- Я и не собирался, -- сказал я.

-- Вы один на палубе?

-- Да.

Почему-то мне показалось, что он собирается отпустить трап и уплыть прочь так же таинственно, как и появился. Но в данный момент это существо, поднявшееся как будто со дна моря, -- а это была ближайшая земля от нашего судна, -- пожелало только узнать, который час. Я сказал ему. Он спросил нерешительно:

-- Должно быть, ваш капитан спит?

-- Уверен, что нет, -- сказал я.

Казалось, он боролся с собой. Мне послышался тихий горький шепот: "Что толку?.." Следующие слова он произнес с заметным усилием:

-- Слушайте, старина... Не можете ли вы тихонько его вызвать?

Я решил, что наступил момент раскрыть свое инкогнито.

-- Я -- капитан.

На уровне воды послышалось тихое восклицание: "Ах, бог мой!" Фосфоресцирующие вспышки пробежали по замутившейся воде вдоль его тела. Вторая рука схватилась за трап.

-- Моя фамилия -- Легет.

Голос звучал спокойно и решительно. Приятный голос. Самообладание этого человека каким-то образом передалось и мне. Я заметил очень спокойно:

-- Вы, должно быть, хороший пловец.

-- Да. Я был в воде с девяти часов. Теперь передо мной стоит вопрос - отпустить ли мне этот трап и плыть до тех пор, пока не утону, выбившись из сил, или... подняться на борт.

Я чувствовал, это -- не просто слова отчаяния. Нет, сильный человек решал серьезную, крайне важную для него проблему. Отсюда я мог бы заключить, что он молод; в самом деле, только молодость не боится стать

лицом к лицу с подобным исходом. Но в тот момент я это чувствовал чисто интуитивно. Между нами двумя уже наладилось таинственное общение перед лицом молчаливого темного тропического моря. Я тоже был молод... достаточно молод для того, чтобы не делать никаких замечаний. Человек в воде стал неожиданно взбираться по трапу, а я поспешил отойти от перил, чтобы принести ему одежду.

Прежде чем войти в каюту, я остановился у последней ступеньки и прислушался. Из-за двери каюты старшего помощника доносилось слабое похрапывание. Дверь каюты второго помощника была открыта и закреплена на крюк; там царил абсолютная тишина. Он тоже был молод и мог спать мертвым сном. Оставался еще стюард; но можно было думать, что он не проснется, пока его не позовут. Я взял из своей каюты вторую пижаму и, вернувшись на палубу, увидел нагого человека из моря. Его тело слабо светилось в темноте. Он сидел на люке, упершись локтями в колени и опустив голову на руки. В одну секунду он надел на мокрое тело такую же серую полосатую пижаму, какая была на мне, и последовал за мной, как мой двойник, на корму. Мы оба шли молча, босиком.

-- Что это значит? -- спросил я заглушенным голосом, вынув из нактоуза зажженную лампу и подняв ее к его лицу.

-- Скверное дело.

У него были довольно правильные черты лица, красивый рот, светлые глаза под несколько тяжелыми темными бровями, гладкий четырехугольный лоб, никакой растительности на щеках, темные усики и хорошо очерченный, круглый подбородок. Свет лампы, которую я держал в руке, падал на его серьезное, сосредоточенное лицо; такое выражение бывает у человека, размышляющего наедине с самим собой. Моя пижама пришлась как раз по нем. Хорошо сложенный парень, лет двадцати пяти, не больше. Нижнюю губу он закусил белыми ровными зубами.

-- Да, -- неопределенно сказал я, ставя лампу в нактоуз.

Тяжелая, теплая тропическая ночь снова сомкнулась над его головой.

-- Там, за островами стоит на якоре судно,-- прошептал он.

-- Знаю. "Сефора". А вы о нас знали?

-- Не имел ни малейшего представления. -- Я -- помощник на "Се..." - Он запнулся и поправился:-- Следовало бы сказать-- я был помощником.

-- Так! Что-нибудь неладно?

-- Да. Очень неладно. Я убил человека.

-- Что вы хотите сказать? Только что?

-- Нет, во время плавания. Несколько недель назад. На тридцать девятой южной... Если я говорю: человека...

-- В припадке бешенства, -- уверенно подсказал я.

Затененная темная голова, похожая на мою, едва заметно кивнула над моей призрачно-серой пижамой. Казалось, я стою в ночи перед своим собственным отражением в глубине мрачного необъятного зеркала.

-- Недурное признание для конуэйского питомца, -- прошептал мой двойник.

-- Вы учились в Конуэе?

-- Да,-- сказал он, как будто слегка встревоженный; потом медленно прибавил. -- Быть может, и вы также...

-- Да, и я.

Но, будучи года на два старше, я окончил раньше, чем он поступил. Мы быстро обменялись датами, затем наступило молчание. Внезапно я вспомнил о своем нелепом помощнике с его страшными бакенбардами и характерным восклицанием: "Помилуй бог! Что вы говорите!" Мой двойник дал мне нить к своим мыслям, сказав вслух:

-- Мой отец-- священник в Норфолке. Вы представляете себе меня перед судом присяжных по такому обвинению? Я лично не вижу никакой необходимости. Бывают такие парни, которые ангела доведут до... Он был одной из тех тварей, которые напичканы всякой дрянью. Таким негодьям незачем жить. Он не исполнял своего долга и мешал другим. Да что говорить! Вам достаточно известна эта порода злостных, брюзгливых собачонок...

Он взывал ко мне, словно наш опыт был сходен так же, как и наши костюмы. И действительно, я понимал всю опасность, когда сталкиваешься с подобными типами и не имеешь возможности воздействовать на них путем законных репрессий. И знал я также хорошо, что мой двойник -- не зверский убийца. Я не подумал расспрашивать его о деталях. Он рассказал мне свою историю в общих чертах, резкими, отрывистыми фразами. Большого мне не было нужно. Я видел все происшедшее с такой ясностью, словно сам находился в пижаме того, другого.

-- Это случилось в сумерки, когда мы ставили зарифленный фок. Вы представляете себе, что было на море... У нас остался один этот парус; вам нетрудно догадаться, что это длилось уже много дней. И работа была адская. Он швырнул мне какое-то ругательство. А меня доконала эта погода. Казалось, ей и конца не будет. Ужас! А судно глубоко сидело в воде. Должно быть, парень был вне себя от страха. Мне было не до вежливых увещаний. Я повернулся и налетел на него, как бык. Он вскочил и -- на меня. Мы сцепились как раз в тот момент, когда гигантский вал шел на судно. Вся команда бросилась к снастям, а я схватил его за горло и стал

трясти, как крысу... Люди над нами вопили: "Берегитесь! Берегитесь!" Потом раздался треск, словно небо обрушилось на мою голову. Они говорят, что десять минут судно было под водой, только три мачты, кусок бака и кормы торчали из кипящей пены. Каким-то чудом нас не смыло. Они нашли нас прижатыми за бимсами. Ясно, что дело было нешуточное; я все еще держал его за горло, когда они нас подобрали. Лицо у него почернело. Этого они не вынесли. Кажется, они потащили нас, сцепленных вместе, на корму, потом, с криком: "Убийство!" -как помешанные, ворвались в каюткомпанию. А судно тем временем несло навстречу смерти, и каждая минута могла стать последней... Волосы могли посесть от одного вида волн. Мне говорили, что шкипер тоже стал бесноваться, как и все остальные. Человек больше недели не смыкал глаз, а этот удар обрушился в самый разгар шторма и чуть не свел его с ума. Удивляюсь, как они не швырнули меня за борт, после того как вырвали из моих рук труп их драгоценного помощника. Говорят, им нелегко было нас расцепить. Страшный рассказ... заставят подпрыгнуть какого-нибудь старого судью и достойных присяжных... Первое, что я услышал, придя в себя, было все то же завывание шторма. Оно сводило с ума, а над ним вздымался голос старика. Он стоял в своей зюйдвестке над моей койкой и смотрел мне в лицо. "Мистер Легет, вы убили человека. Вы больше не можете служить старшим помощником на этом судне".

Его старания понизить голос делали рассказ монотонным. Одной рукой он опирался о край люка и, поскольку я мог заметить, за все это время не пошевелился.

-- Славная историйка! Приятно рассказать за чашкой чая, -- закончил он тем же тоном.

Моя рука тоже лежала на краю люка. И я не шевелился. Внезапно мне пришло в голову: если бы старый "Помилуй бог! Что вы говорите!" выглянул из люка и заметил нас, он констатировал бы у себя раздвоение зрения. Или вообразил бы, что наткнулся на жуткую сцену колдовства; новый капитан спокойно болтает со своим собственным серым призраком. В моих интересах было предупредить его появление. Я снова услышал шепот:

-- Мой отец-- священник в Норфолке... По-видимому, он забыл, что уже сообщил мне этот важный факт. Поистине славная историйка...

-- Лучше пробраться сейчас в мою каюту,-- сказал я, осторожно пускаясь в путь.

Мой двойник последовал за мной; наши босые ноги ступали бесшумно. Я впустил его, неслышно запер дверь и, разбудив второго

помощника, вернулся на палубу ждать смену.

-- Пока никаких признаков ветра,-- заметил я, когда подошел помощник.

-- Да, сэр, никаких, -- подтвердил он сонно своим хриплым голосом без особого почтения и с трудом подавил зевок.

-- Только за этим вы и должны следить. Распоряжения вы получили?

-- Да, сэр.

Я прошел еще раз-другой по юту и только тогда спустился вниз, когда он занял свой пост, став лицом вперед и облокотившись на ванты бизани. Снова донеслось до моего слуха мирное похрапывание старшего помощника. Лампа в кают-компании горела над столом, где стояла ваза с цветами,-- знак внимания со стороны купца, поставлявшего провиант на наше судно,-- последние цветы, какие нам суждено было видеть по крайней мере в течение трех месяцев. С бимса свешивались две связки бананов, симметрично, по обе стороны кожуха рудерпоста. На судне все было, как и раньше... за исключением того, что две пижамы его капитана находились в употреблении одновременно: одна неподвижно застыла в кают-компании, другая притаилась в капитанской каюте.

Здесь необходимо упомянуть, что моя каюта по форме напоминала латинскую букву L. Дверь открывалась в короткую часть буквы. Налево помещалась кушетка, направо -- койка; письменный стол и стол с хронометрами стояли прямо против двери. Открыв дверь, нельзя было увидеть всей комнаты; та ее часть, какую я называю длинной, или вертикальной частью буквы, была скрыта от входящего, если только не пройти сразу дальше. Там стояло несколько ящиков, на них возвышался книжный шкаф. На крючках висела кое-какая одежда, толстая куртка, фуражки, клеенчатое пальто. В конце этой части каюты была дверь, ведущая в мою ванную. В нее можно было войти также и прямо из кают-компания, но этой дверью никогда не пользовались.

Таинственный пришелец успел обнаружить преимущества этой своеобразной формы. Каюта была ярко освещена большой лампой, висевшей на медных кольцах над моим письменным столом, но его я нигде не видел, пока он не показался из-за вешалки в дальнем конце.

-- Я слышал, как рядом кто-то двигается, и поскорей зашел сюда,-- прошептал он.

Я отвечал так же тихо:

-- Вряд ли кто войдет сюда, не постучав и не получив разрешения.

Он кивнул головой. Лицо у него было худое, и загар сошел с него, словно он перенес тяжелую болезнь. И не удивительно. Как я узнал, его

держали под арестом в каюте в течение семи недель. Но в глазах и выражении лица не было ничего, что говорило бы о болезни. В действительности он ничуть не был на меня похож; однако, когда мы стояли бок о бок, наклонившись над моей койкой и сдвинув наши темные головы, спиной к двери, -- тот, кто осмелился бы приоткрыть ее, мог бы насладиться жутким зрелищем: капитан шепотом разговаривает со своим вторым "я".

-- Но все это не объясняет мне, каким образом вы прицепились к нашему трапу, -- осведомился я еле слышным шепотом, когда он кончил рассказ о дальнейших событиях на борту "Сефоры", разыгравшихся после шторма.

-- У меня было время обдумать все это многократно до того, как мы завидели мыс Явы. Шесть недель мне ничего другого не оставалось делать. Только по вечерам меня на часок выпускали на шканцы для прогулки.

Он сложил руки на краю моей койки и глядел прямо перед собой в открытый иллюминатор. И я отчетливо мог себе представить напряженную работу его мысли за эти шесть недель -- упорный, но не очень-то спокойный процесс, на какой я лично был бы совершенно неспособен.

-- По моим расчетам, должно было стемнеть до того, как мы приблизимся к земле,-- продолжал он так тихо, что я вынужден был напрягать слух, хотя мы стояли рядом, почти касаясь друг друга. -- Я попросил позвать капитана. Старик выглядел совсем больным всякий раз, как приходил ко мне, -- казалось, он не мог смотреть мне в лицо. Вы знаете, ведь тот самый фок спас судно. Оно сидело слишком глубоко, чтобы долго держаться без парусов. А заставил поднять фок я. Старик пришел. Войдя в мою каюту, он остановился у двери и смотрел на меня так, словно уже видел веревку вокруг моей шеи. Я в упор сказал ему, чтобы не запирали дверь моей каюты в ту ночь, когда судно войдет в Зондский пролив. Берег Явы должен был находиться тогда на расстоянии двух-трех миль от мыса Аньер. Больше мне ничего не было нужно. Я получил приз за плавание в Конуэе.

-- Этому можно поверить, -- прошептал я.

-- Одному богу известно, зачем они запирали меня каждую ночь. Стоило посмотреть на их лица: казалось, они боялись, что я буду разгуливать по ночам и душить людей. Разве я -- убийца? Похож я на такого? Да ведь тогда он бы не осмелился войти в мою каюту! Вы скажете, что я мог отшвырнуть его в сторону и выскочить, -- было уже темно. Ну нет. И у меня были основания не взламывать двери. Они сбежались бы на шум, а я не хотел впутываться в новую историю. Во время драки могло

произойти еще одно убийство -- ведь я стал бы ломать дверь не для того, чтобы меня загнали обратно. Он отказал мне, и вид у него был совсем больной. Он боялся своих людей, боялся второго помощника, с которым плавал много лет, старого седого вруна. И его стюард плавал с ним черт знает сколько времени, -- лет семнадцать, если не больше, закоренелый бродяга, ненавидевший меня, как чуму, за то только, что я был старшим помощником. Знаете, на "Сефоре" ни один старший помощник не выдерживал больше одного плавания. Эти два старика заправляли судном. И чего только не боялся шкипер! Нервы его ни к черту негодились после того шторма, какой мы выдержали. Боялся суда, а быть может, и своей жены. О да! Она была на борту. Но вряд ли она вмешалась бы в это дело. Она была бы рада спроводить меня с судна. "Печать Каина", видите ли... А я готов был уйти и скитаться по лицу земли, и это достаточная расплата за такого Авеля. Но как бы там ни было, а он не хотел меня слушать. "Это дело должно идти своим порядком. Здесь я являюсь представителем закона". Он дрожал, как лист. "Значит, вы не хотите?" -- "Нет". -- "Ну, я надеюсь, вы в состоянии будете спать после этого", - сказал я и повернулся к нему спиной. "Я удивляюсь, как можете спать вы!" - крикнул он и запер дверь. Признаться, мне уже не спалось. Это было три недели назад. Мы миновали Яванское море, дней десять дрейфовали около Кариматы. Когда мы бросили здесь якорь, они решили, что теперь-то уж все в порядке. Ближайшая земля находится на расстоянии пяти миль, туда мы и направлялись. Консул, конечно, сейчас же начал бы разыскивать меня. А бежать на эти островки не имело смысла. Вряд ли найдется на них хоть капля воды. Не знаю, как это случилось, но сегодня вечером стюард, принеся мне ужин, вышел и оставил дверь незапертой. Я поужинал. Съел все, что было. Покончив с едой, я вышел на шканцы. Не знаю, собирался ли я что-нибудь предпринять. Думаю, просто захотелось подышать свежим воздухом. Потом внезапно я поддался соблазну. Я сбросил туфли и очутился в воде, прежде чем успел принять решение. Кто-то услышал плеск, поднялась суматоха: "Он удрал! Спускайте шлюпки! Он покончил с собой! Нет, он плывет!" Конечно, я плыл. Такому пловцу, как я, не очень-то легко утонуть. Я добрался до ближайшего островка, пока они спускали шлюпку. Я слышал, как они гребли в темноте и окликали меня, но вскоре они отказались от поисков. Все стихло, вода замерла. Я сел на камень и стал думать. Я был уверен, что они возобновят поиски на рассвете. На этих каменистых островах спрятаться было негде, да и что толку? Но, раз удрав с судна, я уже не намеревался туда возвращаться. Подумав немного, я разделся, связал одежду в узел, положил туда камень и бросил в воду с

наружной стороны островка. С меня было достаточно такого самоубийства. Пусть думают, что хотят, но топиться я не собирался. Я хотел плыть, пока не утону, но это -- не одно и то же. Я перебрался на другой островок и оттуда впервые увидел ваш огонь. Передо мной была какая-то цель. Я продвигался легко. По дороге я наткнулся на плоскую скалу, выступающую из воды фута на два. Днем вы, наверно, можете увидеть ее в бинокль с кормы. Я вскарабкался на нее и передохнул. Потом снова бросился в воду. На этот раз я проплыл без отдыха больше мили.

Его шепот становился слабее и слабее, и все время он смотрел прямо перед собой в иллюминатор, где даже звезд не было видно. Я не перебивал его. Было что-то в его рассказе, или, быть может, в нем самом, что мешало репликам, -- странное чувство, которому я не могу подыскать названия. А когда он замолчал, я только прошептал чуть слышно:

-- Значит, вы плыли на наш огонь?

-- Да. Прямо на него. Была какая-то цель. Я не видел звезд над горизонтом -- их заслонял берег, и суша мне была не видна. Вода была, как стекло. Казалось, плывешь в каком-то проклятом водоеме глубиной в тысячу футов, и нет места, куда бы выбраться. Но мне не хотелось крутиться, словно бешеный бык, на одном месте, пока не выбьюсь из сил, а так как возвращаться я не хотел... Вы представляете себе, как меня, совершенно голого, тащат с одного из этих маленьких островков, а я отбиваюсь, как дикий зверь? Наверняка кто-нибудь был бы убит, а этого я не хотел. Вот я и плыл. Потом ваш трап...

-- Почему вы нас не окликнули? -- спросил я чуть-чуть громче.

Он слегка тронул мое плечо. Прямо над нашими головами раздались ленивые шаги, потом сразу все стихло. Второй помощник перешел на другой борт юта и, вероятно, остановился, перегнувшись через поручни.

-- Он не может нас слышать? -- с беспокойством прошептал мне в самое ухо мой двойник.

Его волнение было достаточно ясным ответом на мой вопрос. Ответ вскрывал всю трудность создавшегося положения. Для большей безопасности я закрыл иллюминатор.

-- Кто это? -- шепнул он.

-- Мой второй помощник. Но я его знаю не больше, чем вы.

И я рассказал ему кое-что о себе. Всего две недели назад я был назначен принять командование, когда я мог меньше всего этого ожидать. Я не знал ни судна, ни людей. В порту не было времени разобраться в новых лицах. А что касается матросов, -- им было известно только, что мне поручено отвести корабль домой. Во всех остальных отношениях я себя

чувствовал почти таким же чужим на борту, как и он. В настоящий момент это чувство особенно обострилось. Я знал, что в глазах судовой команды любой пустяк может сделать меня подозрительной личностью.

Он повернулся ко мне, пока я рассказывал, и мы -- два чужих на корабле человека-- стояли друг против друга.

-- Ваш трап,-- зашептал он снова.-- Кто бы мог подумать, что в этих водах можно наткнуться ночью на судно со спущенным трапом! Я как раз почувствовал неприятную слабость. Всякий расклеился бы после той жизни, какую я вел в продолжение девяти недель. Я не в силах был доплыть до вашего сорлиня1 (' Сорлинь -- цепь или трос, придерживающий перо руля на случай, если оно соскочит с петель). И вдруг вижу-- трап, за который можно ухватиться! Я ухватился за него. Потом подумал: "А что толку в этом?" Когда я увидел голову человека, свесившуюся за поручни, я решил, что сейчас уплыву. Пускай он кричит... на каком угодно языке. Мне было все равно, что на меня смотрят. Мне... мне это даже нравилось. А тут вы заговорили со мной так спокойно, точно вы меня ждали. И я решил остаться немного дольше. Я был чертовски одинок, рад был поболтать с кем-нибудь, если он только не с "Сефоры". А о капитане я спросил чисто импульсивно. Мне незачем было его видеть, если весь экипаж узнает обо мне, а утром сюда, наверное, наведуются с "Сефоры". Не знаю... мне хотелось кого-нибудь увидеть, поговорить, перед тем как уплыть. Не знаю, что бы я ему сказал. "Славная ночь, не правда ли?"-- или что-нибудь в этом роде...

-- Вы думаете, они сюда явятся?-- недоверчиво спросил я.

-- Очень возможно,-- слабым голосом отозвался он. Он сразу как-то осунулся, постарел. Голова свесилась на плечо.

-- Гм... Ну, посмотрим. А пока что полезайте на койку,-- прошептал я. - Помочь вам?

Это была довольно высокая койка с ящичками внизу, а мой изумительный пловец действительно нуждался в помощи, которую я ему и оказал, поддержав его за ногу. Он влез, растянулся на спине и рукой прикрыл глаза. Лица его не было видно; он, вероятно, выглядел точь-в-точь как я, когда лежу в постели. С минуту я глядел на свое второе "я", потом заботливо задернул зеленые саржевые занавески, спускавшиеся с медной палки. Сначала я хотел скрепить их булавкой для большей безопасности; но я успел опуститься на кушетку, и мне не хотелось вставать и разыскивать булавку. Я решил посидеть минутку, а потом сколоть занавески. Какая-то странная усталость охватила меня; быть может, она была вызвана крайним напряжением, усилиями говорить шепотом, действовать укрдкой,

таинственностью всего происшедшего. Было уже три часа ночи, а с девяти часов я был на ногах, но спать мне не хотелось; я не мог заснуть. Я сидел, измученный, уставившись на занавески, и старался отделаться от смутного ощущения, будто я нахожусь одновременно в двух местах, а в голове отчаянно стучало, и это меня раздражало. Вдруг я с облегчением обнаружил, что стучит вовсе не в голове, а кто-то колотит в дверь. Не успел я опомниться, как с языка моего уже сорвалось: "Войдите!" Вошел стюард с подносом. Он принес мне утренний кофе. Значит, я все-таки спал! Я так испугался, что оглушительно крикнул:

-- Сюда, стюард! Я здесь!-- словно он был от меня за несколько миль.

Он поставил поднос на стол рядом с кушеткой и только тогда сказал очень спокойно:

-- Я вижу, что вы здесь, сэр.

Я чувствовал на себе его взгляд, но не осмеливался поднять на него глаза. Должно быть, он недоумевал, зачем я задернул занавески у койки, а сам спал на кушетке. Он вышел, открыв, как обычно, дверь, и заложив крюк.

Слышно было, как команда мыла палубу. Я знал, что мне доложат, если появятся признаки ветра. "Значит, штить",-- с досадой подумал я. Я был раздражен за двоих. И действительно, я чувствовал еще сильнее свое раздражение. Вдруг в дверях снова показался стюард. Я так быстро вскочил с кушетки, что он вздрогнул.

-- Что вам здесь нужно?

-- Закрыть иллюминатор, сэр. Они моют палубу.

-- Он закрыт, -- сказал я, краснея.

-- Очень хорошо, сэр.

Но он не уходил и смотрел на меня каким-то странным, двусмысленным взглядом. Затем он отвел глаза, выражение его лица сразу изменилось, и голос стал необыкновенно мягким, почти вкрадчивым:

-- Можно мне войти и забрать пустую чашку, сэр?

-- Конечно!

Я повернулся к нему спиной, пока он вертелся в каюте. Потом я откинул крюк, запер дверь и даже заложил болт. Такое положение не могло продолжаться долго. Уже сейчас в каюте было жарко, как в печке. Я заглянул к своему двойнику и обнаружил, что он ни разу не пошевелился и по-прежнему прикрывал глаза рукой, но грудь его вздымалась тяжело, волосы были мокрые, а подбородок блестел от пота. Я протянул над ним руку и открыл иллюминатор.

"Мне следует показаться на палубе", -- подумал я. Конечно,

теоретически я мог делать все, что угодно, никто не стал бы мне противоречить; но запереть дверь каюты и взять с собой ключ я не посмел. Выглянув из каюты, я увидел моих двух помощников; первый -- в высоких резиновых сапогах, второй -- босиком. Они стояли на юте, а стюард, стоя на ступеньке трапа, о чем-то с жаром им рассказывал. Случайно он меня заметил и юркнул вниз; второй помощник побежал на верхнюю палубу, выкрикивая какие-то приказания, а старший пошел мне навстречу, приложив руку к фуражке.

В глазах его светилось любопытство, оно мне очень не понравилось. Я не знаю, сказал ли им стюард, что я -- чудака, или попросту пьян, но одно было несомненно: этот человек намеревался ко мне присматриваться. Я встретил его улыбкой, которая, едва он ко мне приблизился, сразу возымела свое действие и заморозила его до самых бакенбард. Я не дал ему открыть рот.

-- Поставьте рей прямо, прежде чем команда пойдет завтракать.

То было первым распоряжением, какое я отдал на борту этого судна; и я остался на палубе, чтобы следить за его исполнением. Я воспользовался случаем осадить разок-другой юного зубоскала и внимательно всматривался в лица всех фоковых матросов, проходивших мимо меня к кормовым брасам. За завтраком я ничего не ел и председательствовал с таким ледяным достоинством, что оба помощника рады были ускользнуть, как только представится к тому удобный повод. Все это время двойная работа мозга доводила меня чуть ли не до помешательства. Я непрерывно следил за собой, а мое второе, тайное "я", зависящее от моих поступков не меньше меня самого, спало в койке, за той дверью, прямо против меня, когда я сидел во главе стола. Это состояние было близко к сумасшествию и ухудшалось еще тем, что я отчетливо его сознавал.

Целую минуту я должен был его расталкивать. Открыв наконец глаза, он сразу все вспомнил и вопросительно посмотрел на меня.

-- Пока что все в порядке, -- шепнул я, -- Теперь вы должны скрыться в ванной.

Он вышел бесшумно, как призрак, а я позвонил стюарду и, смело глядя ему в лицо, приказал прибрать мою каюту, пока я принимаю ванну, и "поторопиться". Мой тон не допускал возражений. Он сказал: "Да, сэр", -- и побежал за совком и щетками. Я влез в ванну, плескался и насвистывал в назидание стюарду, а мой тайный сообщник стоял, вытянувшись по швам, в крошечном свободном пространстве. При дневном свете его лицо казалось осунувшимся, веки были опущены под строгой темной линией бровей, сдвинутых на переносице в легкую морщину.

Когда я, оставив его там, вернулся в каюту, стюард кончал стирать пыль. Я послал за помощником и завязал с ним какой-то разговор. Кажется, я стал подсмеиваться над его устрашающими бакенбардами, но моя цель была -- дать ему возможность осмотреть мою каюту. После этого я мог наконец со спокойной совестью запереть дверь каюты и впустить моего двойника. Ему пришлось сидеть в дальнем углу, на маленьком складном стуле. Висевшие там пальто едва его не придушили. Мы прислушивались, как стюард вошел в ванную из кают-компания, привел все в порядок, наполнил водой графины, вымыл ванну, вышел снова в кают-компанию, хлопнул дверью и повернул ключ. Таков был мой план сделать невидимым мое второе "я". Лучшего средства нельзя было придумать при данных условиях. Так мы и сделали: я -- за письменным столом, делая вид, будто занимаюсь своими бумагами, он-- за моей спиной, так, что его не видно было в открытую дверь. Днем переговариваться было рискованно; а я не мог вынести этого странного ощущения-- перешептывания с самим собой. Время от времени я оглядывался на него через плечо. Он сидел, словно застыв, на низком стуле, сдвинув босые ноги, со скрещенными руками. Голова его свесилась на грудь. Он был абсолютно неподвижен. Всякий принял бы его за меня. Я сам был этим зачарован. Каждую секунду я озирался через плечо. Я смотрел на него, когда за дверью раздался голос:

-- Прошу прощения, сэр.

-- Да?

Я не спускал с него глаз, и когда голос за дверью возвестил: "К нам плывет шлюпка с корабля, сэр" -- я увидел, как он вздрогнул, -- первое движение за несколько часов. Но он не поднял склоненной головы.

-- Хорошо, спустите трап.

Я колебался. Быть может, шепнуть ему что-нибудь? Но что? Его неподвижность, казалось, была вечной. Что мог я ему сказать, чего бы он еще не знал?.. Наконец я вышел на палубу.

II

У шкипера "Сефоры" лицо было обрамлено жидкими рыжими бакенбардами, румянец соответствовал цвету волос, а глаза были масляные, голубые. Его нельзя было назвать видным человеком, -- плечи приподнятые, рост средний, одна нога слегка искривлена. Он поздоровался, рассеянно озираясь по сторонам. Я решил, что основной его чертой было тупое упрямство. Вежливость, с какой я с ним обращался, казалось, приводила его в замешательство. Быть может, он стеснялся. Он промямлил несколько слов, словно стыдился своего голоса, отрекомендовался (что-то вроде Арчболд, -- но теперь, по прошествии многих лет, я не могу точно

припомнить), упомянул о "Сефоре" и еще кой о чем. У него был вид преступника, делающего тяжелое, мучительное признание. Он перенес ужасный шторм, ужасный... и жена на борту.

К тому времени мы уже сидели в кают-компании, а стюард принес поднос с бутылкой и стаканами. "Благодарю! Нет". Он никогда не пьет спиртного. Предпочитает воду. Он выпил два полных стакана. Ужасная жажда! С рассвета они исследовали острова вокруг его корабля.

-- С какой целью? Для развлечения? -- вежливо поинтересовался я.

-- Нет! -- он вздохнул. -- Тяжелый долг. Он продолжал бормотать что-то невнятное, а мне хотелось, чтобы мой двойник мог слышать каждое слово, поэтому я сообщил ему, что, к сожалению, я туг на ухо.

Такой молодой человек! -- покачал он головой, пристально глядя на меня своими масляными глупыми голубыми глазами. -- Явилось ли это следствием какой-нибудь болезни?-- осведомился он без малейшего оттенка сочувствия, словно, по его мнению, я получил то, чего заслуживал.

-- Да, болезнь,-- согласился я небрежным тоном, видимо удивившим его.

Но цель моя была достигнута: ему пришлось повысить голос, чтобы рассказать мне всю историю. Не имеет смысла передавать здесь его версию. Все это произошло около двух месяцев назад, но он до сих пор находился под впечатлением случившегося и столько об этом думал, что в голове у него все перепуталось.

-- Что бы вы сказали, если бы такая история произошла на вашем собственном судне? Я плаваю на "Сефоре" уже пятнадцать лет. Я-- старый шкипер.

Он был сильно расстроен. Быть может, я бы и посочувствовал ему, если бы перед моими глазами не стоял все время тайный мой сообщник, словно он был моим вторым "я". Он сидел там, за перегородкой, и какие-нибудь четыре-пять футов отделяли его от нас. Я вежливо глядел на капитана Арчболда (если такова его фамилия), но видел перед собой другого, в серой пижаме, сидящего на низком стуле, со сдвинутыми босыми ногами и скрещенными руками, и каждое слово, сказанное нами, проникало в его темную голову, опущенную на грудь.

-- Я плаваю уже тридцать семь лет, но никогда не слыхивал о подобном происшествии на английском судне. И это случилось на моем корабле! И жена на борту!

Я едва его слушал.

-- Не думаете ли вы,-- начал я,-- что сильный удар волны, перекинувшейся, как вы сказали, в тот момент через борт, мог убить этого

человека? Я видел однажды человека, убитого волной; она сломала ему шею.

-- Бог мой! -- воскликнул он, впиваясь в меня своими масляными голубыми глазами.-- - Волна! Человек, убитый волной, не может иметь такой вид.

Он был буквально скандализован моим предположением. И когда я менее всего ожидал с его стороны чего-нибудь оригинального, он придвинулся ко мне и так неожиданно высунул язык, что я невольно отпрянул.

Нарушив столь живописным образом мое спокойствие, он глубокомысленно кивнул головой. Если бы я видел это лицо, заверил он меня, я не забыл бы его до конца своей жизни. Волнение было настолько сильно, что они не могли устроить мертвецу подобающие похороны. На рассвете они отнесли труп на корму и прикрыли ему лицо куском флага; он прочел короткую молитву, а потом тело бросили, как оно было-- в резиновом пальто и высоких сапогах, -- во вздымающиеся валы, готовые каждую секунду поглотить и самый корабль и обезумевших людей на борту.

-- Вас спас этот зарифленный фок,-- вставил я.

-- То был перст божий! -- с жаром воскликнул он. -- Я твердо верю, что только по милости божьей он выдержал этот шквал.

-- Когда вы его ставили... -- начал я.

-- Бог вразумил меня,-- перебил он.-- Я не стыжусь вам признаться, что я едва осмелился отдать приказание. Казалось, его сейчас же сорвет, а с ним исчезла бы наша последняя надежда.

Он все еще находился под впечатлением этого шторма. Я дал ему выговориться, потом сказал небрежно, словно возвращаясь к менее серьезной теме:

-- Я полагаю, вы желаете выдать береговым властям своего помощника?

Да, он хотел предать его в руки правосудия. Его тупое упорство в этом пункте казалось чем-то непонятным и немного жутким, таинственным. И он беспокоился, как бы его не заподозрили "в потворстве подобным деяниям". Тридцать семь добродетельных лет на море, из них двадцать лет безупречного командования, а последние пятнадцать на "Сефоре", казалось, наложили на него какие-то жестокие обязательства.

-- Знаете ли, -- продолжал он, стыдливо копаясь в своих чувствах,-ведь не я назначил этого малого. Его родственники вели какие-то дела с моими хозяевами, и я отчасти вынужден был его взять. Он очень красивый парень,

очень воспитанный, но мне он почему-то никогда не нравился. Я -- человек простой. Он как-то не подходил к типу старшего помощника на таком судне, как "Сефора".

Я был до такой степени связан мыслями и чувствами с тайным обитателем моей каюты, что готов был принять замечание на свой счет. Я чувствовал себя так, словно мне самому дали понять, что я не гожусь на пост старшего помощника на таком судне, как "Сефора". И лично я несколько в этом не сомневался.

-- Совсем не тот тип человека, -- настаивал он, не спуская с меня глаз.

Я вежливо улыбнулся. . Казалось, он был на секунду сбит с толку.

-- Вероятно, мне придется доложить о самоубийстве.

-- Прощу прощения, я не расслышал.

-- Само-убийство! Вот что мне придется написать своим хозяевам, как только я сойду на землю.

-- Если вам не удастся найти его до завтра,-- бесстрастно согласился я.-
- Живым, хочу я сказать.

Он проямлил что-то, чего я действительно не расслышал. Я подставил ему ухо. Он заорал во все горло:

-- Земля, говорю... материк находится на расстоянии по крайней мере семи миль от моего корабля.

-- Около того.

Мое спокойствие, отсутствие любопытства, удивления, сколько-нибудь ярко выраженного интереса начали возбуждать его недоверие. Но, за исключением счастливой выдумки о глухоте, я отнюдь не притворялся. Я чувствовал себя совершенно неспособным играть роль ничего не знающего человека, а потому и боялся за нее взяться. Быть может, он явился на судно уже с готовыми подозрениями и считал мою вежливость странным и неестественным феноменом. Но мог ли я принять его иначе? Не с распростертыми же объятиями! Это было невозможно по психологическим основаниям, которые мне не нужно здесь излагать. Единственной моей целью было -- не допустить его до расспросов. К какому средству прибегнуть? К грубости? Да, но грубость может вызвать вопрос, поставленный ребром. Формальная вежливость казалась мне лучшим способом сдерживать этого человека, ибо она по самой природе своей была ему чужда. Все же и здесь грозила опасность, что он прорвется через мои ограждения. Думаю, я не смог бы солгать ему прямо в лицо, тоже по психологическим (не моральным) причинам. Если б он только знал, как я боялся, что он подвергнет испытанию мое сознание тождества с тем, другим! Но, кажется, как это ни странно (об этом я подумал значительно

позже), он был немало сбит с толку оборотной стороной этого дьявольского положения: что-то во мне напоминало ему человека, которого он искал; он видел таинственное сходство с тем, кому он не доверял и кого невзлюбил с первого же дня.

Как бы то ни было, но молчание длилось недолго. Исполдволь он сделал еще одну попытку:

-- Полагаю, от "Сефоры" до вашего корабля не больше двух миль. Ничуть не больше.

-- И этого достаточно в такую ужасную жару, -- сказал я.

И снова пауза, исполненная недоверия. Говорят, нужда -- мать изобретательности, но и страх может породить гениальные выдумки. А я боялся, что он спросит меня без обиняков о моем втором "я".

-- Славная кают-компания, не правда ли?-- заметил я, как будто впервые обратив внимание, что глаза его перебегают с одной закрытой двери на другую. -- И очень мило обставлена. Вот здесь,-- продолжал я, повернувшись и, не вставая, небрежно распахнув дверь,-- моя ванная.

Он подался вперед всем корпусом, но ограничился тем, что заглянул туда.

Я встал, запер дверь ванной и пригласил его осмотреть судно -- с таким видом, словно гордился своим помещением. Ему пришлось подняться и следовать за мной, что он и проделал без всякого энтузиазма.

-- А теперь заглянем в мою каюту,-- сказал я, повысив голос до предела, и тяжелыми шагами перешел на штирборт.

Он вошел в каюту вслед за мной и огляделся по сторонам. Мой сообразительный двойник исчез. Я продолжал играть свою роль.

-- Очень удобно, не правда ли?

-- Очень мило. Очень уют...

Он не договорил и поспешно вышел, словно желая ускользнуть от какой-нибудь новой моей недостойной причуды. Но не тут-то было! Я был слишком испуган, чтобы не чувствовать желания отомстить. Преимущество было на моей стороне, и я хотел его сохранить. Должно быть, в моей вежливой настойчивости сквозила угроза, потому что он неожиданно сдался. И я не пропустил ни одного закоулка: каюта помощников, буфетная, кладовые, даже каюта для запасных парусов -- всюду пришлось ему заглянуть. Когда наконец я выпустил его на шканцы, он испустил тяжелый унылый вздох и печально забормотал, что теперь ему пора возвращаться на свое судно. Я приказал присоединившемуся к нам помощнику вызвать капитанскую шлюпку. Человек с бакенбардами засвистел в дудку, обычно висевшую у него на шее, и крикнул:

-- Капитан "Сефоры" уезжает!

Конечно, мой двойник слышал это, но не знаю, кто из нас почувствовал большее облегчение. Откуда-то вынырнули четыре матроса "Сефоры" и перелезли за борт. Мой экипаж тоже высыпал на палубу. Я церемонно проводил своего посетителя до шкафута и чуть не хватил через край. Это была упрямая скотина. Уже стоя у трапа, он замешкался и забормотал виноватым, смущенным голосом:

-- Послушайте... вы... вы не думаете, что..

Я громко перебил его:

-- Конечно, нет... Я очень рад... До свидания!

Я предчувствовал, о чем он хотел спросить, и воспользовался привилегией глухого. Он был слишком потрясен, чтобы настаивать, но мой помощник, присутствовавший при этом прощании, казалось, был заинтересован, и лицо его приняло задумчивое выражение. Я старался не избегать общения с моими помощниками, и потому он имел возможность ко мне обратиться.

-- Кажется, славный человек-- этот шкипер. Экипаж его шлюпки рассказал нашим ребятам необыкновенную историю, если стюард мне не соврал. Полагаю, вы ее слышали от капитана, сэр?

-- Да. Капитан рассказывал мне.

-- Страшное дело, не правда ли, сэр?

-- Да.

-- Побьет все эти рассказы об убийствах на судах янки.

-- Не думаю, что побьет. Я не вижу никакого сходства.

-- Помилуй бог! Что вы говорите! Но, конечно, я незнаком с американскими судами... вам лучше знать. А с меня этого довольно. Но чуднее всего то, что эти парни вообразили, будто человек спрятан здесь, на борту. Право же, они так думали. Слыхали вы что-нибудь подобное?

-- Нелепо... не правда ли? Мы ходили взад и вперед по шканцам. День был воскресный, матросов не было видно. Помощник продолжал:

-- Они даже из-за этого поспорили. Наши ребята разобиделись. "Станем мы, что ли, укрывать такого парня?" -- "Не хотите ли его поискать в нашей угольной яме?" Настоящая ссора вышла. Ну, потом они поладили. Вероятно, он утонул. А ваше мнение, сэр?

-- Я ничего не предполагаю.

-- Вы совершенно уверены, сэр?

-- Совершенно.

Я оборвал разговор и ушел. Я знал, что это произведет скверное впечатление, но мне тяжело было мешкать на палубе, когда мой двойник

ждал меня внизу. Но и там было почти так же тягостно. Все это действовало на нервы. Однако, когда я входил в свою каюту, я не чувствовал такого раздвоения. На всем корабле не было ни одного человека, которому я решился бы довериться. С тех пор как экипаж узнал его историю, невозможно было выдать его за другое лицо, а случайное разоблачение тайны грозило серьезными последствиями.

Стюард накрывал на стол к обеду, и мы могли обмениваться только взглядами. Позже, к вечеру, мы стали осторожно перешептываться. Воскресная тишина, царившая на корабле, мешала нам; эта тишина еще усугублялась недвижимостью воздуха и воды. Стихия, люди -- все было против нашего тайного сообщничества, даже время, ибо не могло же продолжаться так вечно? А что касается случайностей, играющих немалую роль в успешном завершении дела, то мне оставалось только надеяться, что нас они минуют. На какую счастливую случайность могли мы рассчитывать?

-- Вы все слышали? -- были мои первые слова, когда мы заняли нашу позицию бок о бок у моей койки. Да, он слышал все. Доказательством был его шепот:

-- Этот человек сказал вам, что он едва осмелился отдать приказ.

Я понял, что замечание относится и фок-парусу, спасшему корабль.

-- Да. Он боялся, что сорвет парус, пока его будут ставить.

-- Уверяю вас, он не отдавал этого приказания. Быть может, он думает, что он его отдал, но это не так. Он стоял рядом со мной на юте, после того как сорвало грот-марсель, и хныкал, буквально хныкал: исчезла-де последняя наша надежда, а тут ночь надвигается...

Всякий обезумел бы, слыша, как шкипер в разгар шквала причитает и хнычет. Меня это привело в бешенство. Я взял командование в свои руки и отошел от него. Во мне все кипело, и... Но к чему говорить вам? Вы знаете!.. Да разве можно было тогда добиться послушания от матросов, если бы я сам не озверел? Или от боцмана? Само море обезумело. Казалось, настал конец мира. И так -- изо дня в день... Я никого не виню. Я сам был не лучше остальных.

-- Я понимаю, понимаю, -- уверил я его. Необходимость говорить шепотом его утомила. Он задыхался. Я слышал, как он с трудом переводил дыхание. Та внутренняя сила, которая спасла жизнь двадцати четырех человек, сокрушила одного взбунтовавшегося и недостойного.

Я не успел взвесить его слова, в кают-компании раздалися шаги. Сильный стук в дверь:

-- Поднялся ветер. Можно пуститься в путь, сэр. Этими словами были

предъявлены новые требования моим мыслям и даже чувствам.

-- Всю команду наверх! -- крикнул я через дверь. -- Я сейчас выйду на палубу!

Мне предстояло знакомство с моим кораблем. Прежде чем я оставил каюту, наши глаза встретились -- глаза двух человек, чужих на борту судна. Я указал на дальний угол каюты, где его ждал маленький складной стул, и приложил палец к губам. Он ответил неопределенным жестом -- пожалуй, таинственной и слабой улыбкой, как будто выражающей сожаление.

Здесь не место распространяться об ощущениях человека, который впервые чувствует, как по его воле корабль движется вперед. Мои ощущения не отличались цельностью. Я был не совсем один со своей командой; там, в моей каюте был этот незнакомец. Или, вернее, я не был весь целиком с ней. Часть меня отсутствовала. Я чувствовал, что нахожусь одновременно в двух местах, и это пронизывало всю мою душу. Прошло не больше часу с тех пор, как корабль стал двигаться. Старший помощник стоял подле меня, а я, попросив его запеленговать пагоду' (' Пеленговать -- определять по компасу направление на какой-либо видимый предмет или небесные светила), поймал себя на том, что шепчу ему на ухо. Я спохватился, но слишком поздно: он заметил и вздохнул. С тех пор он стал дичиться меня -- не подберу другого слова. Серьезное, сосредоточенное выражение не покидало его лица, словно он таил про себя какие-то ошеломляющие сведения. Немного позже я отошел от поручней, чтобы взглянуть на компас, такой крадущейся походкой, что рулевой это заметил, а я не мог не видеть его вытаращенных глаз. Все это были мелочи, но ни одному капитану не улыбается, чтобы его подозревали в забавных странностях. Мое положение осложнялось и более серьезными промахами. Всякий моряк хорошо знает, что при известных условиях некоторые жесты, слова срываются совершенно естественно, инстинктивно. Так же непроизвольно моргает глаз, когда ему угрожает удар. Приказ срывается с уст без размышления, нужный жест не требует предварительного обдумывания. Но вся эта подсознательная расторопность покинула меня. Я должен был сделать усилие воли, чтобы вернуть себя (из каюты) к условиям данного момента. Я чувствовал, что на людей, которые более или менее критически ко мне присматриваются, я произвожу впечатление капитана весьма нерешительного.

И помимо этого не все обстояло благополучно. Так, например, в конце второго дня нашего плавания, вернувшись с палубы в соломенных туфлях на босу ногу, я остановился у открытой двери буфетной и заговорил со stewardом. Он стоял ко мне спиной. Услышав мой голос, он, как говорится,

чуть не выпрыгнул из своей кожи и нечаянно разбил чашку.

-- Что это с вами? -- удивился я.

Он был страшно смущен.

-- Прошу прощения, сэр! Я был уверен, что вы у себя в каюте.

-- Вы же видите, что я здесь.

-- Да, сэр. Но я могу поклясться, что слышал, как вы там двигались. Еще и секунды не прошло. Это очень страшно... Прошу прощения, сэр!

Внутренне содрогаясь, я прошел дальше. Я до такой степени отождествлял себя со своим двойником, что даже не упомянул об этом факте во время наших редких боязливых разговоров шепотом. Вероятно, он сделал какое-нибудь движение, слегка зашумел. Было бы удивительно, если бы он хоть изредка не шевелился.

И, однако, несмотря на свое осунувшееся лицо, он казался более чем спокойным, почти неуязвимым, в совершенстве владея собой. По моему совету, большую часть дня он проводил в ванной: в общем это было самое надежное место. После того как стюард приводил ванную в порядок, ни у кого не могло явиться предлога войти туда. Это была крохотная комнатка. Иногда он опускался на пол, поджимая ноги и подпирая голову рукой. Иногда я находил его сидящим на складном стуле; в своей серой пижаме, с коротко остриженной темной головой, он походил на терпеливого бесстрастного узника. На ночь я уступал ему свою койку, и мы перешептывались, а над нашими головами раздавались мерные шаги вахтенного помощника. Это было бесконечно тяжелое время. К счастью, в моей каюте было спрятано в ящике несколько банок с консервами, черствый хлеб мне всегда удавалось доставать, и он питался тушеными цыплятами, паштетом из печени, спаржей, устрицами, сардинами, отвратительными поддельными деликатесами из жестянок. Утренний кофе я всегда уступал ему, и это было все, что я мог для него сделать.

Каждый день приходилось маневрировать так, чтобы сначала прибирали в моей каюте, а затем в ванной. Я возненавидел самую физиономию стюарда, чувствовал отвращение даже к голосу этого безобидного человека. Я предвидел, что именно он разоблачит тайну. Угроза висела, как меч, над нашими головами.

На четвертый день (мы тогда плыли у восточного берега Сиамского залива, лавируя при легком ветре и спокойном море), на четвертый день этого тягостного жонглирования с неизбежным, когда мы сидели за ужином, этот человек, малейшее движение которого приводило меня в трепет, поставил блюдо на стол и торопливо побежал на палубу. Казалось, опасности быть не могло. Вскоре он вернулся вниз; оказывается, он

вспомнил о моем пальто: после полудня мы попали под ливень, и я повесил пальто на поручни для просушки. Сидя неподвижно во главе стола, я с ужасом увидел пальто на его руке. Конечно, он направлялся к моей двери. Времени терять было нельзя.

-- Стюард!-- загремел я.

Нервы мои были так издерганы, что я не соразмерил голоса и не мог скрыть свое волнение. Это-то и заставляло моего бородатого помощника выразительно постукивать себя пальцем по лбу. Я однажды заметил у него этот жест, когда застал его на палубе, конфиденциально разговаривающего с плотником. Я не мог расслышать слова, но нисколько не сомневался, что эта пантомима относилась к странностям нового капитана.

-- Да, сэр?

Бледный стюард покорно повернулся ко мне. Он был сбит с толку: я то и дело кричал на него, обрывал без всякого смысла и толку, повелительно выгонял из своей каюты и снова звал туда, заставлял выбегать из кладовой, исполнять непонятные поручения. С каждым днем его уныние росло.

-- Куда вы идете с этим пальто?

-- В вашу каюту, сэр.

-- Опять будет ливень?

-- Право, не знаю, сэр. Пойти наверх и посмотреть, сэр?

-- Нет! Не нужно.

Цель была достигнута: мое второе "я", конечно, слышало все, что произошло. В течение этой интермедии оба помощника не подымали глаз от своих тарелок, но губа этого проклятого мальчишки, второго помощника, заметно дрожала.

Я думал, что стюард повесит пальто и сейчас же выйдет. Почему-то он замешкался, но я овладел своим волнением и не окликнул его. Вдруг я услышал, -- а слышно было достаточно ясно,-- что парень зачем-то открывает дверь ванной. Все кончено! Комнатка такая маленькая, что там негде повесить кошку. Слова застряли у меня в горле, я весь окаменел. Каждую секунду я ждал, что услышу вопль удивления и ужаса. Я попробовал пошевелиться, но у меня не хватило сил подняться на ноги. Все было тихо. Не схватило ли мое второе "я" беднягу за горло? Не знаю, что сделал бы я в следующую секунду, если бы стюард не вышел из моей каюты. Он закрыл дверь и спокойно остановился у буфета.

"Спасен! -- подумал я. -- Нет! Погиб! Исчез! Он исчез!"

Я положил вилку и нож и откинулся на спинку стула. Голова у меня кружилась. Немного погодя, когда ко мне вернулся голос, я уведомил своего помощника, чтобы он сам повернул корабль в восемь часов.

-- Я не выйду на палубу,-- продолжал я.-- Я лягу и, если ветер не переменится, хочу, чтобы меня не тревожили до полуночи. Я чувствую себя неважно.

-- У вас нездоровый вид последние дни,-- заметил довольно безучастно старший помощник.

Они оба вышли, а я смотрел во все глаза на стюарда, убравшего со стола. Ничего нельзя было прочесть на лице этого несчастного. "Но почему он избегает моего взгляда?"-- спрашивал я себя. Потом мне захотелось услышать его голос.

-- Стюард!

-- Сэр?-- по обыкновению он вздрогнул.

-- Где вы повесили пальто?

-- В ванной, сэр.-- И прибавил, как всегда, с тревогой в голосе. -- Оно еще не совсем просохло, сэр.

Еще некоторое время я оставался в кают-компании. Неужели мой двойник исчез так же, как появился? Но его появление можно было объяснить, а исчезновение казалось совершенно необъяснимым. Я медленно вошел в свою темную каюту, запер дверь, зажег лампу и несколько минут не решался обернуться. Когда же наконец я повернул голову, я увидел его стоящим навтыжку в дальнем углу. Нельзя сказать, чтобы я испытал потрясение, но непреодолимое сомнение в его телесном существовании промелькнуло в моем мозгу. Может ли это быть, спрашивал я себя, что он невидим для всех, кроме меня? Это казалось каким-то наваждением. Неподвижный, с серьезным лицом, он протянул ко мне руки, -- жест, ясно говоривший: "О боже! Едва спасся!" Действительно, все висело на волоске. Полагаю, я подошел к безумию так близко, как только может подойти человек, еще не сделавший последнего шага. Этот жест удержал меня, так сказать, у последней черты.

Помощник с устрашающими бакенбардами поворачивал корабль на другой галс. В момент глубокой тишины, какая следует после того, как команда заняла свои места, я услышал на корме его громкий голос: "Руль под ветер!" Возглас был отчетливо повторен на верхней палубе. Паруса под этим легким ветром производили слабый шелестящий шум. Он прекратился. Корабль медленно поворачивался. Я затаил дыхание в возобновившейся тишине ожидания. Казалось, на палубе не было ни одной живой души. Внезапно резкий крик: "Натягивай грот!" -- разбил очарование. Над головой раздались крики, топот людей, бегущих с гротабраса, а мы двое, в моей каюте, сошлись по обыкновению у койки.

Он не ждал моего вопроса.

-- Я слышал, как он входит сюда, и еле-еле успел забраться в ванну, шепнул он мне. -- Он только открыл дверь и просунул руку, чтобы повесить пальго. Все же...

-- Я не подумал об этом,-- прошептал я. Мы избежали разоблачения чисто случайно, и эта удача еще сильнее пугала меня, я удивлялся его выдержке, не изменявшей ему ни на минуту. И голос его ничуть не дрожал. Если кому-нибудь и грозило безумие, то, во всяком случае, не ему. Он был в полном рассудке. И доказательством его здравомыслия были следующие слова:

-- Мне уже не следует никогда больше возвращаться к жизни.

Это мог бы сказать и призрак. Но он намекал только на слова своего старого капитана, с неохотой допустившего теорию самоубийства. Очевидно, эта теория могла сыграть ему на руку, поскольку я понимал его дальнейшие планы.

-- Вы должны высадить меня на какой-нибудь остров, как только останется позади берег Камбоджи, -- продолжал он.

-- Высадить на остров! Ведь это вам не книжки с приключениями,-- возразил я.

-- Конечно! И это несколько не похоже на книжку с приключениями. Но другого выхода нет. С меня довольно! Ведь вы знаете, я не боюсь того, что могут со мной сделать. Тюрьма или галеры -- все, что им угодно. Но вы представляете себе, как я возвращаюсь назад и объясняю свою историю старому судье в парике и двенадцати почтенным торговцам, а? Могут ли они знать, виновен я или нет и в чем я виновен? Это мое дело. Что сказано в библии? "Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле". Хорошо. Сейчас я -- скиталец на земле. Как я пришел сюда ночью, так же я и уйду.

-- Невозможно!-- прошептал я. -- Вы не можете.

-- Не могу?.. Я не буду голым, как душа в день страшного суда. Я примерзну к этой пижаме. Последний день еще не настал, и... Но ведь вы поняли все. Не правда ли?

Мне стало стыдно. Поистине я понял все, но только какое-то ложное чувство, может быть трусость, заставляло меня колебаться, прежде чем отпустить этого человека с моего корабля.

-- До завтрашнего вечера ничего нельзя сделать, -- прошептал я. - Судно лежит сейчас на галсе в открытое море, и ветер может нам изменить.

-- Я буду ждать: теперь я знаю, что вы меня понимаете,-- ответил он.- Какое счастье иметь человека, который может понять! Мне кажется, это не простая случайность, что вы оказались там.

И шепотом, словно слова, какие мы должны были сказать друг другу,

великая тайна для всего мира, он прибавил:

-- Это очень странно.

Мы продолжали стоять бок о бок и перешептываться, но время от времени замолкали и только изредка перебрасывались словами. И, как всегда, он смотрел в иллюминатор. Дыханье ветра обвевало наши лица. Корабль, казалось, стоял в гавани,-- так легко и без малейшего крена скользил он по воде, которая даже не журчала за бортами, темная и молчаливая, как призрачное море.

В полночь я вышел на палубу и, к величайшему изумлению своего помощника, повернул оверштаг¹ (1 Оверштаг -- поворот судна, идущего против ветра, в противоположную сторону) и лег на контр-галс. Его страшные бакенбарды двигались подле меня с молчаливым неодобрением. Конечно, я не стал бы это делать, если бы речь шла только о том, чтобы поскорее выбраться из сонного залива. Я думаю, он сказал второму помощнику, явившемуся его сменить, что видит в моем поступке отсутствие здравого смысла. Тот только зевнул. Этот несносный мальчишка так вяло волочил ноги и с таким небрежным, ленивым видом навалился на поручни, что я резко напустился на него:

-- Вы еще не совсем проснулись?

-- Нет, сэр! Проснулся.

-- В таком случае потрудитесь и держать себя соответствующим образом. И будьте внимательны. Если мы попадем в течение, мы еще до рассвета поравняемся с островами.

Восточная сторона залива окаймлена островами; некоторые из них разбросаны поодиночке, другие расположены группами. На синем фоне высокого берега они как будто плавают на серебряной поверхности спокойной воды, бесплодные, серые или темно-зеленые, окруженные зарослями вечнозеленого кустарника. Среди них попадаются и большие, мили две в длину, с очертаниями хребтов и серых скал под темной мантией густой листвы. Они неведомы ни торговцам, ни путешественникам, вряд ли отмечены на географических картах, и жизнь, таящаяся на них, скрыта ото всех. Должно быть, на самых больших островах есть деревушки или рыбацьи поселки, и сообщение с миром, по всей вероятности, поддерживается каким-нибудь туземным судном. Все утро мы держали курс на них, подгоняемые едва заметным ветерком; я не спускал подзорной трубы с группы разбросанных островов, но не видел ни человека, ни лодки. В полдень я не отдал распоряжения изменить курс, и бакенбарды моего помощника принимали все более озабоченный вид и, казалось, старались обратить на себя мое внимание. Наконец я сказал:

-- Я думаю подойти к самому берегу, подвести судно как можно ближе. От крайнего изумления даже глаза его стали свирепыми, и в эту секунду он выглядел поистине страшным.

-- Мы плохо продвигаемся в середине залива, -- спокойно продолжал я, -сегодня вечером я думаю воспользоваться береговым ветром.

-- Помилуй бог, сэр! Плыть в темноте среди этих островов, рифов и отмелей?

-- Да! Если здесь есть береговой ветер, мы должны держаться у самого берега. Не так ли?

-- Помилуй бог! -- прошептал он чуть слышно. Целый день с лица его не сходило мечтательное, задумчивое выражение -- признак крайнего недоумения. После обеда я, сославшись на усталость, ушел к себе в каюту.

Мы оба склонили наши темные головы над полуразвернутой картой, лежащей на моей койке.

-- Вот,-- сказал я.-- Пусть это будет Ко-ринг. С восхода солнца я держу на него курс. Здесь два холма и отлогий мыс. Должно быть, он населен. А на противоположном берегу я видел что-то похожее на устье большой реки... и, вероятно, выше по течению есть какой-нибудь поселок. Более благоприятного случая для вас я себе не представляю.

-- Все равно. Пусть это будет Ко-ринг. Он задумчиво смотрел на карту, словно с высоты птичьего полета измерял расстояния, взвешивал шансы, следил глазами за своей собственной фигурой, бредущей по пустынной земле Кохинхины и исчезающей с этого клочка бумаги в местностях, не помеченных на карте. И, казалось, на корабле два капитана, намечающие его курс. Я так волновался и так измучился, бегая вверх и вниз, что в тот день у меня не хватило терпения переодеться. Я остался в своей пижаме, соломенных туфлях и мягкой широкополой шляпе. Душный зной залива изнурял человека, и команда привыкла видеть меня разгуливающим в этом легком костюме.

-- При этом курсе мы минуем южный мыс, -- шептал я ему на ухо. -- Один бог знает, когда это будет, но, во всяком случае, после наступления темноты. Я подведу корабль к берегу на расстоянии полумили, поскольку смогу определить в темноте.

-- Будьте осторожны, -- предостерегающе пробормотал он.

И внезапно я понял, что все мое будущее и то единственное, к чему я пригоден, поставлено на карту, что я могу себя погубить из-за одной неудачи при первом командовании.

Было невозможно дольше оставаться в каюте. Я сделал ему знак скрыться в дальнем углу и вышел на корму. На вахте стоял этот скучный

щенок. Я прошелся по корме, обдумывая положение, потом подозвал его к себе.

-- Пошлите двух матросов открыть оба бортовых порта на квартердеке,-мягко сказал я.

Услыхав это странное распоряжение, он имел дерзость или, вернее, забылся до такой степени, что повторил:

-- Открыть порты квартердека! Зачем, сэр?

-- Я приказываю вам это сделать, для вас этого достаточно. Пусть их откроют и закрепят как следует.

Он покраснел и ушел. Думаю, он не удержался от насмешливого замечания плотнику по поводу целесообразности проветрить квартердек. Конечно, он заглянул в каюту старшего помощника, чтобы сообщить ему об этом распоряжении: бакенбарды вышли как будто случайно на палубу и стали украдкой посматривать на меня снизу, -- вероятно, они старались открыть признаки безумия или опьянения.

Незадолго до ужина беспокойство мое усилилось, и я заглянул на секунду к моему второму "я". Странно было видеть его таким спокойным; это казалось неестественным, нечеловеческим.

Шепотом я поспешил развить ему свой план.

-- Я подведу судно возможно ближе к берегу, а затем поверну его назад. Я найду способ тайком провести вас в парусную каюту; она отделена коридором. Но там есть отверстие, через которое вытаскивают паруса, оно выходит прямо в квартердек и в хорошую погоду всегда открыто, чтобы паруса проветривались. Когда судно замедлит ход, а команда будет занята на корме у гротабрасов, путь перед вами будет открыт. Вы спуститесь за борт через открытый порт квартердека. Я велел их закрепить. Спускайтесь в воду по веревке, чтобы не было плеска... Понимаете? Вас могут услышать, и положение чертовски осложнится.

Секунду он молчал, потом шепнул:

-- Я понял.

-- Я не увижу, как вы будете уходить, -- с усилием проговорил я. -- Ну, а о том... надеюсь только, что и я понял.

-- Вы поняли. С начала до конца.

И первый раз в его шепоте послышалась дрожь, напряжение. Он схватил меня за руку, но звонок к ужину заставил меня вздрогнуть. Однако он не вздрогнул, он только разжал пальцы.

После ужина я спустился вниз в девятом часу. Слабый, но надежный бриз был пропитан росой, и потемневшие сырые паруса старались поймать всю его двигательную силу. Мерцала ясная, звездная ночь, и тусклые,

темные пятна -разбросанные островки -- медленно плыли навстречу низким звездам. С левого борта был большой остров, довольно отдаленный и внушительный, затенявший широкий простор неба.

Открыв дверь, я увидел себя самого, разглядывающего карту. Он вышел из своего угла и стоял перед моим столом.

-- Достаточно темно, -- шепнул я.

Он отошел и прислонился к моей койке, спокойно глядя перед собой. Я сел на кушетку. Нам нечего было сказать друг другу. Над нашими головами шагал взад и вперед помощник, державший вахту. Потом я услышал, как шаги зазвучали быстрее. Я знал, что это значит. Он направлялся в кают-компанию, вскоре за моей дверью раздался его голос:

-- Мы подходим к берегу, сэр. Кажется, земля совсем близко.

-- Хорошо, -- сказал я.-- Сейчас выйду на палубу.

Я ждал, пока он вышел из кают-компании, потом встал. Мой двойник тоже тронулся с места. Настало время обменяться последними словами, по-прежнему шепотом,-- так мне и не суждено было услышать его голос.

-- Слушайте... -- Я открыл ящик и вынул три соверена.-- Возьмите это. Я получил шесть. Я отдал бы вам все, но мне нужно оставить немного денег, чтобы купить команде фруктов и овощей с туземных лодок, когда мы будем плыть Зондским проливом.

Он покачал головой.

-- Возьмите!-- настаивал я отчаянным шепотом. -- Никто не может сказать, что...

Он улыбнулся и многозначительно похлопал себя по единственному карману пижамы. Действительно, место было ненадежное. Но я извлек свой большой шелковый носовой платок и, завязав три золотых монеты в уголок, протянул ему. Вероятно, он был тронут: он взял его, наконец, и быстро обвязал вокруг талии, прямо на голое тело под пижамой.

Наши глаза встретились. Прошло несколько секунд, потом, все еще не отводя от него взгляда, я протянул руку и потушил лампу. Я вышел в кают-компанию, настежь распахнув дверь своей каюты.

-- Стюард!

От избытка усердия он все еще возился в буфетной, в последний раз перед сном перетирая судки из накладного серебра. Стараясь не разбудить помощника, каюта которого находилась напротив, я говорил вполголоса. Он с беспокойством оглянулся.

-- Сэр?

-- Не можете ли вы мне принести горячей воды из-камбуза?

-- Боюсь, сэр, что огонь уже давно потух. -- Ступайте и посмотрите.

Он взбежал по трапу.

-- Ну! -- шепнул я громко... слишком громко, пожалуй, но я боялся, что не смогу выдать ни одного звука.

В одну секунду он очутился подле меня. Две фигуры капитана проскользнули мимо трапа... крохотный темный коридор .. откатившаяся раздвижная дверь. Мы были в парусной каюте и ползли на коленях по парусам. Внезапно мне пришла в голову одна мысль. Я увидел самого себя, бредущего босиком, с непокрытой головой, а солнце ударяет в мой темный затылок. Я сорвал свою широкополую шляпу и в темноте стал напяливать ее на мое второе "я". Он отшатнулся и молча отстранил меня. Интересно, что подумал он обо мне. Потом он понял и неожиданно сдался. Наши руки оцепью встретились и замерли на секунду в крепком пожатии... Ни одного слова не было сказано нами, когда они разъединились.

Когда вернулся стюард, я спокойно стоял у двери буфетной.

-- Простите, сэр. Котел чуть теплый. Зажечь спиртовку?

-- Не нужно.

Я медленно вышел на палубу. Теперь делом совести было подвести корабль как можно ближе к берегу. Он должен спуститься за борт, как только корабль начнет поворачивать. Должен! Для него возврата не было. Я перешел на подветренную сторону, и сердце у меня замерло, когда я увидел, как близок берег. При других обстоятельствах я не стал бы медлить ни минуты. Второй помощник с беспокойством следовал за мной.

Я продолжал смотреть вперед, пока не овладел своим голосом.

-- Судно одолеет поворот,-- спокойно сказал я.

-- Вы собираетесь это испробовать, сэр? -- недоверчиво проговорил он.

Я не обратил на него внимания и повысил голос, чтобы быть услышанным рулевым:

-- Держать круче к ветру!

-- Есть, сэр!

Ветер обвевал мои щеки, паруса спали, все замерло. Напряженно следить, как растет и сгущается туманная масса земли, было мне не по силам. Я закрыл глаза. Корабль должен подойти ближе. Должен! Тишина стала невыносимой. Быть может, мы стоим на месте!

Когда я открыл глаза, кровь бросилась в голову от зрелища, представшего передо мной. Черный южный холм Ко-ринга, казалось, навис прямо над кораблем, как громоздящаяся глыба вечной ночи. На этой огромной черной массе не видно было ни одного огонька, не слышно было ни одного звука. Она неудержимо скользила нам навстречу и, казалось, до нее уже можно дотянуться рукой. Я видел смутные фигуры вахтенных; они

столпились на шкафуте и в немом ужасе смотрели на берег.

-- Вы хотите идти вперед, сэр? -- осведомился нетвердый голос у моего локтя.

Я не обратил на него внимания. Я должен был идти дальше.

-- Держать круче. Не задерживай.. Сейчас это не годится, - предостерегающе сказал я.

-- Я плохо вижу паруса, сэр, -- ответил мне рулевой странным, дрожащим голосом.

Достаточно ли близко мы подошли? Корабль уже вступил в береговую тень, в самую ее черноту; быть может, она уже поглотила его; он подошел слишком близко, и мне его уже не вернуть, -- он ушел от меня навсегда.

-- Позовите старшего помощника,-- сказал я молодому человеку, притихшему подле меня.-- И всех наверх!

Эхо гористого берега усилило мой голос. Несколько голосов крикнули дружно:

-- Мы все на палубе, сэр!

И снова тишина. А большая тень подкрадывалась ближе, громоздилась выше, и нигде ни света, ни звука. Такая тишина спустилась на корабль, что, казалось, мы медленно плывем на барке смерти в самые врата Эреба.

-- Боже мой! Где мы?

Это простонал возле меня старший помощник. Он был как громом поражен и словно лишился моральной поддержки своих бакенбард. Он всплеснул руками и буквально взвыл:

-- Погибли!

-- Успокойтесь, -- сурово сказал я.

Он понизил голос, но я видел его отчаянный жест:

-- Что мы тут делаем?

-- Ищем берегового ветра.

Он готов был рвать на себе волосы и, забывшись, набросился на меня.

-- Мы отсюда не выберемся! Это сделали вы, сэр! Я знал, что дело кончится чем-нибудь в этом роде. Корабль не развернется, вы подвели его слишком близко, чтобы лечь в дрейф. Нас отнесет на берег, прежде чем мы успеем повернуть. О боже!

Я схватил его за руку, которую он уж занес над своей несчастной головой, и сильно ее потряс.

-- Мы уже на берегу...-- стонал он, стараясь высвободиться.

-- В самом деле?.. Рулевой, держать круче!

-- Есть, сэр!-- крикнул рулевой испуганно, тоненьким, детским голоском.

Я не выпускал руки помощника и тряс ее, приговаривая:

-- На место, слышите! Отправляйтесь на нос... И останьтесь там... и прекратите этот шум... Распорядитесь травить кливер-шкоты...

В промежутках между каждой фразой я встряхивал его руку.

И все это время я не решался посмотреть в сторону берега, чтобы самому не струсить. Наконец я разжал пальцы, и он бросился вперед, словно спасаясь от смерти.

Любопытно, что подумал об этом смятении мой двойник, притаившийся среди запасных парусов. Ему было слышно каждое слово... и, быть может, он понял, почему я подвел судно так близко. Моя первая команда: "Руль под ветер!"-зловещим эхом отозвалась в громоздящейся тени Ко-ринга, словно я кричал в горное ущелье. А потом я стал пристально следить за берегом. В этой спокойной воде, при слабом ветре, невозможно было определить, поворачивает ли судно. Нет! Я не ощущал поворота. А мое второе "я" готовилось в этот момент соскользнуть за борт. Быть может, он уже ушел?..

Большая черная масса, нависшая над самыми верхушками наших мачт, стала молча отходить от борта корабля. И тут я забыл о тайном пришельце, готовящемся уплыть, и помнил только, что я совершенно незнаком с кораблем. Я его не знал. Сможет он это сделать? Как нужно им управлять?

Я приказал повернуть грот-рею и беспомощно ждал. Быть может, судно стоит на одном месте, и его судьба висит на волоске, а черная масса Ко-ринга, как врата вечной ночи, вздымается над его кормой. Что будет дальше? Отходит ли он? Я быстро подошел к борту: на темной воде ничего не было видно, кроме слабых фосфоресцирующих вспышек на стеклянной глади спящего моря. Ничего нельзя было сказать, а я еще не научился ощущать свой корабль. Двигается ли он? Мне нужен был какой-нибудь ясно видимый предмет, например лист бумаги; я мог бы бросить его за борт и следить за ним. Но со мной ничего не было, а спускаться вниз я не решался. Не было времени. И вдруг мой напряженно ищущий взгляд различил какой-то белый предмет на воде, на расстоянии ярда от корабля. Белое на черной воде. Фосфоресцирующая вспышка пробежала под ним. Что бы это могло быть?.. Я узнал свою собственную широкополую шляпу. Должно быть, она упала с его головы, а он не стал поднимать. Теперь у меня было то, чего я искал,-- спасительная марка для глаз. Но я почти не думал о своем втором "я", теперь он ушел с корабля, чтобы скрыться навсегда от всех, кому был дорог, ушел, чтобы стать изгнанником и скитальцем на земле; на чистом его лбу не было клейма проклятья; ему не нужно отводить карающую руку... ведь он был слишком горд, чтоб

объяснять.

Я следил за шляпой -- символом моей внезапной жалости к его плоти. Она должна была спасти его голову от солнечного удара. А вот теперь -- она спасала корабль, служила мне маркой, помогающей в моем неведении. А! Ее отнесло вперед, она предостерегала меня как раз вовремя, что корабль взял задний ход.

-- Переложить руль, -- тихо сказал я матросу, застывшему, как статуя.

Его глаза сверкнули при свете нактоуза; он отскочил в сторону и начал вращать штурвал.

Я подошел к переднему краю юта. На темной палубе вся команда стояла у брасов, ожидая моего приказа. Звезды над головой, казалось, скользили справа налево. И кругом была разлита такая тишина, что я слышал, как один матрос с бесконечным облегчением сказал другому:

-- Мы повернули.

-- Отдал снасти и травы!

Среди веселых матросских возгласов фока-реи с шумом обежали круг. Теперь проявили признаки жизни и страшные бакенбарды, отдавая приказания. Корабль уже плыл вперед. И я был с ним один. Никто в море не станет теперь между нами, ничто не бросит тени на пути безмолвного единения и немой привязанности -- этого совершенного общения моряка с первым кораблем, который вручен его руководству.

Я подошел к гакаборту как раз вовремя, чтобы разглядеть на самой границе тьмы, отбрасываемой гигантской черной массой, похожей на врата Эреба, едва заметную белую шляпу. Она осталась позади, отмечая место, где человек, тайно разделявший мою каюту и мои мысли, словно он был моим вторым "я", спустился в воду с борта корабля, чтобы принять кару -- свободный человек и гордый пловец, стремящийся навстречу неведомой судьбе.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)